УДК 726.034.7(474.5/476ВКЛ):272-523.4.712.3/.7.012 + 72.012.8 + 747

СРЕДОВЫЕ АСПЕКТЫ ВИЛЕНСКОГО БАРОККО

О. Д. БАЖЕНОВА[1), 2)]

[1)]*Белорусский государственный университет,*
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь
[2)]*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,*
ул. Мясницкая, 11, 101000, г. Москва, Россия

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение архитектуры виленского барокко – выдающегося явления культуры Беларуси XVIII в. Мастера виленского барокко с 1730-х гг. обратились к решению задач по реконструкции и перестройке старых белорусских городских центров, сосредоточились на сложной средовой организации разновременных и разновеликих городов, разрушенных войнами и пожарами в первой половине XVIII в. Большие и малые местечки Беларуси получили новую пространственную, очень органичную, возвышенную и легкую в своих формах архитектуру, взаимодействующую с природным окружением, и среду, комфортную для проживания, одновременно восхищающую и впечатляющую многообразием ракурсов строений и рельефа, красивыми панорамными видами. Феномен средовой организации архитектуры виленского барокко был оценен последователями и включен в архитектурный образ городов Беларуси XIX–XXI вв. Рассматриваются памятники архитектуры, возведенные ведущими мастерами виленского барокко на западных (А. Вюрцнер, И. Глаубиц) и восточных (И. Фонтана) землях Беларуси. Реконструкция гуманистической среды, создаваемой произведениями искусства данной стилистики (храмы, дворцовые ансамбли), рассматривается в связи с современной градостроительной ситуацией и ее влиянием на исторический контекст культуры современной Беларуси.

Ключевые слова: виленское барокко; Абрахам Вюрцнер; Иоганн Глаубиц; Иосиф Фонтана; Минск; Витебск; Глубокое; Дятлово.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ENVIRONMENTAL ASPECTS OF THE VILNA BAROQUE

O. D. BAZHENOVA[a, b]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*
[b]*National Research University «Higher School of Economics»,*
11 Mjasnickaja Street, Moscow 101000, Russia

Abstract. The purpose of the article is to consider the architecture of the Vilna Baroque, that is a prominent phenomenon of the culture of Belarus in the 18th century. Since the 1730s, the Vilna Baroque has helped architects to solve the problems of reconstruction and rebuilding of old Belarusian urban centers. It focused on the complex environmental organisation of cities of different times and sizes, and in the first half of the 18th century, still destroyed by wars and fires. Large and small towns of Belarus received a new spatial, very organic, sublime and light in its forms new architecture, interacting with the natural environment and an environment comfortable for living, at the same time delighting and impressive with a variety of angles of

Образец цитирования:
Баженова ОД. Средовые аспекты виленского барокко. *Человек в социокультурном измерении.* 2026;1–2:20–24.
EDN: FANTIJ

For citation:
Bazhenova OD. Environmental aspects of the Vilna Baroque. *Human in the Socio-Cultural Dimension.* 2026;1–2:20–24. Russian.
EDN: FANTIJ

Автор:
Ольга Дмитриевна Баженова – доктор искусствоведения, профессор; профессор кафедры искусств и средового дизайна факультета социокультурных коммуникаций[1)], главный научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога[2)].

Author:
Olga D. Bazhenova, doctor of science (arts), full professor; professor at the department of arts and environmental design, faculty of cultural studies[a], and chief researcher at the International laboratory for the study of Russian-European intellectual dialogue[b].
odbazhenova@gmail.com

buildings and relief, beautiful panoramic views. The phenomenon of the environmental organisation of the architecture of the Vilna Baroque was appreciated by followers, and included in the architectural image of the cities of Belarus in the 19th–21st centuries. Architectural monuments created by leading masters of the Vilna Baroque on the western (A. Wurzner, J. Glaubitz) and eastern (J. Fontana) lands of Belarus are considered. The reconstruction of the humanistic environment created by works of art of this style (churches, palace ensembles) is considered in connection with the modern urban development situation and its influence on the historical context of the culture of modern Belarus.

Keywords: Vilna Baroque; Abraham Wurzner; Johann Glaubitz; Joseph Fontana; Minsk; Vitebsk; Glubokoe; Dyatlovo.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the Basic research programme of the National Research University «Higher School of Economics».

Введение

Стало привычным в истории архитектуры рассматривать и оценивать отдельные архитектурные памятники с главных фасадов, то есть как выделенные и обозначенные условными рамками чертежа или фотографии. Ситуация радикально меняется, если то же сооружение оказывается в окружении зданий другой стилистики, эпохи, в ракурсном видении, при обходе с разных сторон или через перспективу дворовых и городских пространств. Часто кажется, что перед нами предстает совсем другое здание, не похожее на первый образ, увиденный в условной раме с заранее заданной точки зрения, «с парадного фасада».

Целью данного исследования является рассмотрение памятников архитектуры Беларуси XVIII в. в стилистике виленского барокко с точки зрения воспринимающего их человека (в аспекте средового видения) с учетом включения этих строений в современную городскую среду (застройку).

Основная часть

Российские теоретики архитектуры В. Л. Глазычев и А. Г. Раппапорт в современной сложной и многообразной городской застройке видели следующие средовые решения: новое здание может быть полностью согласовано с историческим контекстом (процесс слияния), контрастировать с ним или занимать промежуточное положение (процесс адаптации), совмещая черты существующей застройки и новые элементы [1–4]. Средовой подход для В. Л. Глазычева и А. Г. Раппапорта имел одновременно две цели: создание гуманной среды для человека и его превращение из объекта городской жизни в непосредственного ее участника. Исследователи выделяли следующие характеристики гуманной среды: образность, неповторимость, сомасштабность, освоенность, историческую преемственность, экологичность и многозначность. Западноевропейский теоретик архитектуры К. Норберг-Шульц также считал средовой подход проблемой современной архитектуры и предлагал обратиться к изучению истории, чтобы понять и перенять прошлый опыт архитекторов и их практические навыки [5]. В публикации мы обращаемся к архитектуре виленского барокко как наиболее яркой и значительной странице истории зодчества Беларуси XVIII в.

В первые десятилетия XX в. историками и реставраторами ряда территорий Западной Европы (Австрии, Верхней Швабии, Чехии, Франконии, Баварии, Саксонии, Польши) было выделено несколько локальных вариантов стиля барокко в архитектуре XVIII в. [6], по правилам немецкой искусствоведческой науки получивших наименования от главных городов (столиц) этих земель: мюнхенское, дрезденское, львовское, виленское барокко. Последнее и станет предметом рассмотрения в данной статье. Дефиниция виленского барокко указывала на наличие местной школы архитектуры. Она идентифицировалась по правилам немецкой теоретической науки, в соответствии с которыми школа архитектуры должна иметь определенную территорию в строго ограниченных временных рамках, значительный корпус произведений архитектуры одной стилистической нормы, выдающихся мастеров и их учеников. Из наименования явления понятно, что территорией, на которой было распространено виленское барокко, являлись земли Великого княжества Литовского со столицей Вильно.

Историки архитектуры Беларуси в последней четверти XX в. предприняли попытку уйти от термина «виленское барокко», назвав данную стилистику белорусским барокко [7]. Такое локальное определение в некоторой степени может быть оправданно: места расположения памятников показывают работу архитекторов XVIII в. над конкретными храмами, а также по заказам определенных людей, живших на территории современной Беларуси, которые «видели» окружающую среду совершенно по-разному. Работа архитекторов протекает в различных экономических, политических, социальных, культурных и физических условиях, где климат и топография также играют важную роль[1].

[1] В исследовании по теории архитектуры К. Норберг-Шульц писал, что ситуации не статичны, а могут меняться, что политическая организация общества меняется, экономическая конъюнктура колеблется, а климат едва ли предлагает постоянные условия [5, p. 21].

Следует отметить такие важные аспекты культуры Великого княжества Литовского XVIII в., как сплоченность шляхты, горожан и сельского населения в вопросах, касающихся церкви, и значимую роль аристократии (магнатов) и мелкого дворянства (шляхты), которые выступали заказчиками и спонсорами возведения и перестройки храмов. Мировоззрение было религиозно-мистическим, поэтому строительство церквей играло очень важную роль. Такой подход отличался, например, от ситуации во Франции XVIII в., где королевская власть опиралась не на аристократию, а на крепнущую и растущую буржуазию, победно утвердившую себя в конце XVIII в. участием в Великой французской революции (1789). Культура Франции отличалась рационалистическим и светским характером, что выразилось в преобладании дворцовых построек над культовыми зданиями [8, с. 15]. Такое контекстуальное сравнение отражает близость виленского барокко к культурным основаниям итальянской и немецкой архитектуры, так же сохранившим в XVIII в. свою религиозную экзальтированность, и в силу этого во многом противоположность рационалистической и светской архитектуре Франции[2].

Северная война (1700–1721) привела к большим разрушениям земель Великого княжества Литовского. Отмеченные в европейской прессе крупные городские пожары (например, пожар в Вильно в 1737 г.) привели к нарастанию строительного бума, а значит, привлечению значительного количества сил архитекторов для восстановления городской среды, сельских храмов и монастырей, дворцов и замков. В таких условиях белорусские земли довольно быстро «переоделись в пленительный кружевной наряд» архитектуры виленского барокко.

Историко-социальный детерминизм не позволяет до конца определить, по какой причине здания в определенный период имеют ту или иную стилистически определенную форму, что является центральной проблемой как в истории, так и в теории архитектуры. Психологический и средовой подходы к искусству и архитектуре, порой сложно артикулируемые самими творцами, позволяют приблизиться к решению проблемы. Возведение храмов и дворцов в стиле виленского барокко в Беларуси в XVIII в. отвечало трем целевым аспектам архитектуры, обозначаемым теоретиками визуального искусства: функционально-практическому, средообразующему и символическому [7]. Выделим несколько проблемных антиномических пар: здание и заказчик, здание и его предназначение, архитектура и смена пользователя здания, архитектура и ландшафт. Формулировка данных конструктов показывает роль времени в эксплуатации памятника, а также место его пользователей и окружающей среды в жизни архитектурного творения. Рассмотрим памятники виленского барокко с позиций данных конструктов и в перспективе использования строений в течение XIX–XX вв.

На данный момент список представителей виленской архитектурной школы достаточно велик. В начале XX в. исследователи (С. Лоренц, П. Богдевич, В. Татаркевич) [9–11] считали родоначальниками виленского барокко И. Глаубица и итальянских архитекторов семейства Фонтана, в частности Юзефа Фонтану. Сейчас, в результате архивных изысканий и стилистического анализа В. Боберского, на место родоначальника выдвинулся А. Вюрцнер (1700–1758), который начал работать с конца 1720-х гг. [12]. Данный факт чрезвычайно важен, поскольку архитектор строил не только в Вильно, Глубоком, Ивенце, Дятлово, но, что весьма значимо для нас, также в Минске. Здесь В. Боберский атрибутировал А. Вюрцнеру основные храмы Верхнего города (не сохранившиеся колокольня иезуитского монастыря и доминиканский собор) и храмы бернардинских монастырей (Минский Свято-Духов кафедральный собор и архив-музей литературы и искусства).

Особенно хорошо у А. Вюрцнера получалось вписывать монастырские храмы в ландшафт. Они венчают один из семи холмов, на которых стоит Минск. Архитектор сохранил своими строениями эту важную особенность города, в настоящее время сглаженную современной столичной средой. Фасад храма мужского бернардинского монастыря хорошо отражает его внутреннее деление на три нефа в залитом светом интерьере. Храм является очень функционально строгим сооружением со сложным инженерно-строительным решением. Передняя часть здания не имеет ни одной прямой линии, и такая волнообразная подвижность плоскости фасада дополняется эффектами глубокой тени и кружевного пятна, создаваемых большими трехарочными окнами и изысканными украшениями над ними. Бернардинские храмы составляли ядро панорамы Минска со стороны Немиги и Свислочи, выделяя духовный центр города, который не изменила даже индустриализация XIX в. Построенная железная дорога, которая являлась главным фактором индустриализации, сформировала несколько пространств около вокзала. Два трамвайных маршрута были проложены от новых площадей к Соборной площади. В XVIII в. А. Вюрцнер создал гармонию пластических движений ансамбля бернардинских храмов с извивами рек Свислочи и Немиги под холмом Высокого города

[2]В виленской архитектурной школе сложилась уникальная ситуация: храмовые сооружения всех конфессий (католической. православной, протестанской церквей) строились в единой стилистике. Кроме того, их возводили мастера, чья вера не совпадала с конфессиональной принадлежностью храма (протестанты могли строить храмы католиков и православных).

и далями предместья Переспа за ним. Архитектор создавал среду духовной значимости, позволяющую оценить значение духовного тепла и природной красоты в жизни человека. Средовой подход диктовал пропорции и масштаб зданий на холме и их взаимоотношения с открывающимися видами. В настоящее время созданные средовые образные пространства не читаются, поскольку на левом берегу Свислочи построен длинный жилой дом, названный «Панорама», а правый берег закрыт аморфными по форме современными сооружениями. Река утратила динамику активного бега и эффект отражающей свет поверхности воды, превратилась в пруд. Я слышала, как в автобусе на мосту через Свислочь дошкольник спрашивал у мамы: «А это что, какой-то пруд?». Отсутствие понимания значения среды уничтожило духовное и метафизическое пространство, разрушило историческую память этого места. Излучины Немиги и Свислочи – знаковые точки белорусской истории. Битва на Немиге 1067 г. вспоминалась именно здесь, так же как и дата рождения Минска. Без учета взаимоотношений человека со средой и архитектурной организации среды наступает время не только безобразного, как отсутствия образа прекрасного, но и исторического беспамятства. Таким образом, становится очевидно, что средовой подход требует понимания и анализа культурного и исторического контекста.

Стилистику виленского барокко и принципы средового видения демонстрируют и другие храмовые постройки Беларуси. В Ивенце в середине XVIII в. А. Вюрцнер соорудил храм для францисканского монастыря. Храм построен на высоком городском холме, под которым протекает небольшая река. Высокие башни на главном фасаде и сочетания объемов и ниш окон рождают удивительную игру света и тени, а в часы начала литургии вертикали храма освещаются потоками света, которые создают своеобразный световой ореол.

В ратуше, костелах, монастырских строениях, возведенных Иосифом Фонтаной[3] в Витебске, стилистика виленского барокко создает цельный образ средневекового города, будто сшитого мелкими стежками кривых улиц с обозначающими их криволинейными фасадами и объемами зданий. В Витебске сохранилась ратуша в стиле виленского барокко, определившая центр обширной и реконструируемой сейчас панорамы этого, по словам И. А. Бунина, готического города. Писатель отметил интересный эффект главенства вертикалей храмов и средовой эффект угловатости уличных пространств, сочетающийся с фигурами жителей в черных длинных лапсердаках. Множество ракурсов, встречающихся в городской среде Витебска, создают образную многозначность исторической среды. Очень ценными для восприятия виленского барокко являются обращенные в 1872 г. к главному архитектору Витебска слова министра просвещения и обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. А. Толстого. Он говорил о том, что нужно научиться строить церкви такие же прекрасные, легкие и изящные, как витебский кафедральный собор [12]. Речь шла о венчающем город храме, построенном по проекту И. Фонтаны.

Важны для оценки средового видения виленского барокко работы И. Глаубица[4]. Принципы виленского барокко читаются в шедеврах архитектора, в первую очередь, в возведенном на высоком берегу Западной Двины Софийском соборе в Полоцке и храме базилианского монастыря в Березвечье около Глубокого, совершенно гениально сфотографированном в 1930-х гг. виленским фотографом Я. Булгаком. Фотография передает такое антропологическое качество средовой архитектуры виленского барокко, как нежность и хрупкость объема и фактуры сакральной постройки. Возможность эмоционального восприятия такого рода сооружений была доступна всем, кто бывал в этом озерном краю.

Дворцовая архитектура виленского барокко сохранилась в наименьшей степени. Однако дворец 1730-х гг. в Дятлове подтверждает органическую стилистику виленского барокко в строительстве дворцов.

Дятловский дворец, построенный в 1729–1731 гг., настолько соединен с природным окружением, что его не снесли в последующие века. На стенах здания сохранилась прекрасная орнаментальная лепка в стилистике виленского барокко, демонстрирующая основы декоративных форм, объединивших позднее барокко, рококо и ранний классицизм в уникальном сочетании. Оформление одновременно открывает тайны итальянского изящного рисунка, немецкой тщательности и основательности декоративного решения, легких нарушений в следовании правилам французской классической архитектуры.

Заключение

В качестве вывода можно привести высказывание К. Норберга-Шульца: «…в проблемах средового подхода мы сталкиваемся с основными вопросами, которые подразумевают пересмотр эстетического измерения архитектуры (*aesthetic dimension of architecture*). Встает вопрос, как архитектура может снова стать чувствительным средством, способным регистрировать соответствующие изменения в строительных задачах и в то же время поддерживать определенный визуальный порядок?»[5] [5, p. 35]. В связи с этим следует

[3] *Boberski W.* Fontana Jozef (1716–ok. 1772) // Allgemeines Künstlerlexikon. Munchen ; Leipzig : Saur, 2004. Band 42. S. 125–126.
[4] *Boberski W.* Glaubitz Johann Christoph // Allgemeines Künstlerlexikon. Munchen ; Leipzig : Saur, 2007. Band 56. S. 72–75.
[5] Здесь и далее перевод наш. – *О. Б.*

обратиться к вопросам восприятия окружающей среды и взаимосвязи с ней, т. е. к проблемам средовой архитектуры и дизайна. Архитектор также отмечал, что «романтическая идея девятнадцатого века о том, что художник должен выражать только свою автономную личность, действительно превращает искусство в роскошь без прямого контакта с обществом или его целями, а архитектура, будучи одновременно практическим инструментом и искусством, оказывается вовлеченной в серьезный внутренний разлад» [5, p. 20].

Библиографичекие ссылки

1. Глазычев ВЛ. *Город без границ.* Москва: Территория будущего; 2011. 400 с.
2. Глазычев ВЛ. *Урбанистика.* Москва: Европа; 2008. 3 части.
3. Раппапорт АГ. *Общие проблемы искусства: обзорная информация. Выпуск 3, Художественные проблемы формирования предметно-пространственной среды.* Москва: Государственная библиотека имени В. И. Ленина; 1984. 39 с.
4. Раппапорт АГ. Среда и архитектура. В: Высоковский АА, Каганов ГЗ, редакторы. *Городская среда: проблемы существования.* Москва: Всесоюзный научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства; 1990. с. 157–178.
5. Norberg-Schulz Ch. *Intention in architecture.* Cambridge: The Massachusetts Institute of Technology; 1968. 294 p.
6. Baranowski AJ. Barok wileński na artystycznej mapie Europy Środkowej. *Biuletyn Historii Sztuki.* 2011;73(3–4):281–340. DOI: 10.11588/diglit.34475.25.
7. Габрусь ТВ. *Мураваныя харалы: сакральная архітэктура беларускага барока.* Минск: Ураджай; 2001. 286 с.
8. Брунов НИ. *Дворцы Франции XVII и XVIII веков.* Москва: Всесоюзная академия архитектуры; 1938. 70 с.
9. Bohdziewicz P. O istocie i genezie baroku wilenskiego z drugiej i trzeciej cwierci XVIII wieku. In: Morelowski M, editor. *Prace i materjały sprawozdawcze sekcji historji sztuki Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie. Tom 3.* Wilno: Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie; 1938–1939. s. 192–197.
10. Lorentz S. *Jan Krzysztof Glaubitz. Architekt wileński XVIII w.* Warszawa: Towarzystwa naukowe warszawskie; 1937. 44 p.
11. Tatarkiewicz W. Dwa baroki, krakowski i wilenski. In: Bochnak A, editor. *Prace Komisji Historii Sztuk. Tom 8.* Kraków: Polska akademia umiejętności; 1946. s. 183–224.
12. Boberski W. Architekt Abraham Würtzner (?). Przyczynek do dziejów wileńskiego baroku. *Biuletyn Historii Sztuki.* 2021;83(3):645–682. DOI: 10.36744/bhs.1062.

Статья поступила в редколлегию 11.09.2025.
Received by the editorial board 11.09.2025.